

ДАРЬЯ ЛОБАНОВА

КЛЯТВА НА КРОВИ

ЛЮБОВЬ. ВЛАСТЬ. КРОВЬ.
НИЧЕГО НЕ БЫВАЕТ БЕЗ ПЛАТЫ.

Дарья Лобанова

Клятва на крови

«Литнет»

2025

Лобанова Д.

Клятва на крови / Д. Лобанова — «Литнет», 2025

Он — наследник мафиозного клана. Она — разменная пешка в сделке между семьями. Но никто не ожидал, что пешка научится делать ходы. Алиса отправлена в Сицилию по приказу отца — как часть договора с семьёй Россо. Новая страна, новая клетка, новый хищник. Марко Россо — мужчина, которого нельзя любить. Он контролирует всё и всех. Но Алиса не собирается подчиняться. В мире, где честь важнее чувств, а шаг в сторону может стоить жизни, она впервые рискует — сердцем. Но Сицилия — лишь первая клетка. Дальше будет больнее. Глубже. Опаснее. И один мужчина изменит не только её судьбу, но и её саму. «Клятва на крови» — история женщины, которую пытались сломать. Но она стала игроком. И теперь правила больше не работают.

© Лобанова Д., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Красная сделка	5
Глава 2. Первый раунд	7
Глава 3. Пора	9
Глава 4. Вилла Россо	11
Глава 5. Первая неделя на Сицилии	13
Глава 6. Беги!	15
Глава 7. Горечь внутри	17
Глава 8. Первая пешка	19
Глава 9. Линия огня	21
Глава 10. Искры между пальцами	23
Глава 11. На руках - жизнь	25
Глава 12. Театр одной семьи	27
Глава 13. Мама	29
Глава 14. Чёрт...	31
Глава 15. Вместе (18+)	33
Глава 16. Папа, я - Россо	36
Глава 17. Рождение и жажда	38
Глава 18. Волки в снегу	40
Глава 19. Старый друг	41
Глава 20. Лёня	43
Глава 21. Воспоминания	44
Глава 22. Нечеловеческий страх	46
Глава 23. Граница крови	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Глава 1. Красная сделка

В доме пахло властью. Табак, кожа и молчание — плотное, как бетон. Алиса сидела на подоконнике, босыми пятками касаясь тёплого дерева. За окном — ранняя весна: снег ещё не сошёл, но под ним уже пробивалась зелень. Жизнь ломилась наружу. А здесь — всё замирало.

Она в который раз провела пальцем по раме — там, где в детстве выцарапала крошечную букву «А». Тогда ей казалось, что дом — это крепость. Теперь — ловушка.

— Ты хоть понимаешь, что это за позор? — Голос отца звучал ровно, с хрипотцой, не требуя крика. Он не повышал голос. Он утверждал. Как всегда.

— Позор? — Алиса сжала ладони на коленях. — Это ты называешь позором то, что я не хочу выйти замуж за чужого человека, как лот на мясном аукционе?

Он медленно подошёл, налил себе виски. Как всегда — на два пальца. Мерный ритуал, сопровождающий важные разговоры.

— Это не аукцион, Лиса. Это... воспитание. — Он смаковал слово, как выдержанное вино. — Хочешь свободы? Получишь. Но сначала — научись, что такое жизнь. Что такое честь. И долг.

Алиса усмехнулась — сухо, без веселья.

— Великая честь — выдать свою дочь в другую страну, как ящик с коллекционным вином.

— Ты не ящик, — он встал, шагнул ближе. Смотрел сверху вниз, в глазах мелькнуло нечто похожее на сожаление. — Ты мой огонь. Моя кровь. Но ты дичишься своей природы. Думаешь, твоя мать уехала просто так? Она испугалась этой жизни. А ты в ней выросла.

Слово «мать» резануло. Скользнуло, как лезвие.

— Не впутывай маму. Она хотя бы сбежала честно. Не прикрываясь «кодексом» и мужскими играми в престол.

Он улыбнулся, но глаза остались сухими, как лёд в бокале.

— Ты не сбежишь. У тебя мой характер. Ты не умеешь прятаться, Лиса. Поэтому тебе и нужен Марко.

— Нужен? — Она вскочила. — Ты даже не спросил! Ты подписал какой-то чёртов договор и решил за меня. Как за пешку.

Он подошёл. Положил ладонь на затылок — жесткий, тяжёлый жест, но без злобы. Больше — как приговор.

— Я даю тебе шанс. Этот парень — не чужой. Он умен. Сильный. Не из тех, кто поднимет руку на женщину. Его отец держал пол-Сицилии. Нам нужен союз. Но я бы не отдал тебя, если бы он не понравился мне. Или... тебе.

Алиса резко выдохнула. Перед глазами вспыхнула сцена: тот приём. Люстры, лица, итальянская речь вперемешку с русской. И он — в тёмно-синем, с хищным взглядом и вежливой улыбкой. Марко Россо. Она действительно тогда улыбнулась. На долю секунды. Почти случайно.

И теперь эта улыбка стала оправданием.

— Ты следил за нами?

Он пожал плечами.

— Наблюдал. Ты улыбалась, когда он вошёл. Даже не заметила.

— Я ему не доверяю, — сказала она тише. Почти себе.

— И правильно. Доверие — не старт, а финиш. — Он отступил на шаг. — Ты поедешь к нему. На перевоспитание. Не справится — заберу. Захочешь остаться — это уже будет твой выбор.

— А если нет?

— Вернёшься. Но не девочкой. Женщиной, которая знает, кто она.

Он поставил бокал. Выпрямился.

— Сборы через три дня. У тебя будет своё крыло в доме. Своя охрана. И деньги. Но не пытайся бежать, Алиса. Это не тюрьма. Это испытание.

Он ушёл, оставив за собой запах виски, табака и тяжёлую тишину. А она осталась — с ощущением, будто в горле застряли косточки от слов, которые нельзя проглотить.

Она не заплакала. Не умела.

Просто провела пальцем по стеклу — как в детстве. Теперь там осталась царапина от кольца.

— Воспитание, — прошептала она. — Посмотрим, кто кого перевоспитает.

Глава 2. Первый раунд

(примерно за месяц до «сделки»)
Место действия: Москва, вечерний приём в особняке семьи Алисы

Вечер был чересчур вычурным, даже по меркам её отца. Хрусталь, жемчуг, золото, сырое и блестящее, как кровь под лампой. Всё происходящее было спектаклем: натянутые улыбки, политые брютом фразы, взгляды с прицелом.

Алиса стояла у лестницы. Спина прямая, пальцы замкнуты на мундштуке. Курила не потому, что любила — потому что это злило отца. И потому что дым маскировал тревогу.

Она не была украшением этого зала — она была сигналом. Опасным, противоречивым, завораживающим.

Несмотря на хрупкость, в ней читалась порода. Волнистые пшеничные волосы, падающие на плечи, высокие скулы, точёный нос, полные губы и бездонные голубые глаза — в них всегда отражалось больше, чем хотелось бы показать. Уязвимость, прятая за решимостью. Холод — за огнём.

Она скользила взглядом по лицам. Кто-то боялся её как дочери босса. Кто-то — как будущей пешки. Те, кто смеялся слишком громко, уже проиграли. Те, кто молчал — вызвали интерес.

И тут он вошёл.

Без фанфар. Без представлений. Просто шагнул в зал — и всё вокруг на секунду замерло.

Марко Россо. Двадцать четыре. Красивый до опасности. Черты лица будто высечены скульптором: острые скулы, прямой нос, губы с чуть насмешливой линией. Глаза — темно-зелёные, почти чёрные в полумраке, с тем самым взглядом, от которого люди забывают, о чём хотели сказать. Волосы — чёрные, блестящие, зачёсаны назад, подчёркивая форму черепа и линию челюсти.

Он был одет в итальянский костюм оттенка мокрого асфальта, идеально скроенный. Не просто сидел — обтекал его, как доспех. И в каждом движении чувствовалась хищная грация — как у пантеры, зашедшей в клетку с хрустальными стенами.

Алиса задержала взгляд. Не потому что захотела. Он поймал её глазами — и не отпустил.

Он не пошёл к ней сразу. Сначала — к её отцу. Рукопожатие. Полуслово на итальянском. Вся сцена — на публику. Но взгляд... взгляд всё время возвращался. К ней.

— Не подходи, — пробормотала она, сжав пальцы. — Не смей.

Он подошёл.

— Сигарета — под твой возраст или под твой характер? — Голос низкий, с бархатной хрипотцой и лёгким акцентом. Он говорил так, будто вкус пробовал.

— А ты под чей заказ? Папин или сам решил поиграть?

Он усмехнулся. Легко. Не обиженно — хищно.

— Люблю смотреть, как львицы защищают территорию. Особенно — если её пока никто не оспаривал.

Она щёлкнула мундштуком, бросила окурок в хрустальную вазу.

— Территорию не нужно защищать, если ты — огонь. Только дураки с ним играют.

Марко кивнул. Принял удар — с уважением.

— А я думал, ты только на фотографиях такая. Рад, что ошибался.

— Не льсти себе. Просто я была в плохом настроении, — она уже разворачивалась, но вдруг — мягче:

— Алиса.

Он взял её руку. Не для поцелуя — просто коснулся.

Ладонь горячая. Уверенная. Без намёка на спешку.

— Марко. Пока — просто гость.

Они ещё секунду смотрели друг на друга — как бойцы на арене. Кто первый дрогнет?

Она ушла в толпу. Не оборачиваясь.

Оставив за собой аромат бергамота, и что-то ещё — вызов.

А он смотрел ей вслед. И в его глазах уже рождалась стратегия.

Глава 3. Пора

Аэропорт пах стерильным кофе и усталостью. Люди спешили, кто-то обнимался, кто-то молчал. У всех была своя цель, свои планы. У Алисы — только приказ.

Она стояла у окна бизнес-зала, держала в руках паспорт и билет. В графе «место назначения» значился Палермо. Сицилия.

Новая жизнь — по подписанному кем-то контракту.

За спиной тихо закашлял телохранитель — не тот, кого она знала с детства. Новый. Бесцветный. Беспощадно молчаливый.

Она не обернулась.

— Всё как в кино, да? — проговорила. — Девочка в пальто. Билет в один конец. Дублёнка и сломанный GPS.

Он промолчал.

Алиса снова посмотрела в окно. Весна здесь была другой. Серой. Не как в Москве, где снег тает с боем, с криками, с грязью. Здесь весна просачивалась исподтишка.

Как и всё в её жизни — исподтишка.

Она не собирала вещи. Лена — одна из старых служанок дома — всё упаковала сама, без слов. Только взглядом дала понять: ей жаль. Очень жаль. Алиса не спорила. Зачем? Это была не поездка, а... сделка. Переездом это не назовёшь. Побегом — тоже. Побег — когда ты бежишь сам. А её везли.

Самолёт подали под вечер. Частный, как и всё в этом мире. Всё элитное, гладкое, под контролем. Даже её жизнь — идеально отглаженная драма с плохим сюжетом.

Сицилия встретила её запахом моря и тёплым ветром, словно хотела обмануть — притвориться доброй. Водитель ждал у трапа. Он молча кивнул и открыл дверь чёрного «Мазерати».

В машине пахло кожей и дорогим терпением.

Дорога тянулась вдоль побережья. Ландшафт будто нарисован: кипарисы, виноградники, дома с терракотовыми крышами. Всё слишком красиво, чтобы быть правдой. Как лицо Марко.

Алиса не спрашивала, куда они едут. Адрес ей выдали на бумаге, как приговор. Большой дом на холме. Частные ворота. Охрана. Камеры. Всё как надо — тюрьма, только с видом на море.

У ворот стоял сам он. Марко. В чёрной рубашке, с расстёгнутым воротом и спокойной уверенностью человека, который всегда получает то, что хочет.

Она вышла из машины, выпрямилась. Не торопилась. Не улыбалась.

— Добро пожаловать, — сказал он. Голос чуть ниже, чем она запомнила. Или просто день был слишком долгим.

— Я не гость, — ответила Алиса. — Я — часть сделки. Как и ты.

Он кивнул. Без издёвки.

— Тогда давай притворимся, что мы оба умеем играть в эту игру.

Он подал руку. Она не взяла.

Дом внутри оказался не похожим на те, что она знала. Меньше золота, больше камня и тени. Простор, тишина, мягкий свет. И... одиночество.

— Твоё крыло — наверху, — сказал он. — Хочешь — закроем на ключ изнутри. Хочешь — оставим открытым.

— Без разницы, — ответила Алиса, поднимаясь по лестнице. — Всё равно мы оба знаем, кто тут хозяин.

Он не возразил.

Комната была большой. Белые простыни. Массивная кровать. Тишина. Она бросила сумку, подошла к окну. Внизу — море. Спокойное, как ложь.

Алиса коснулась стекла.

Пальцы остались холодными.

— Ну что, Марко Россо, — тихо выдохнула она. — Посмотрим, чья игра окажется смертельнее.

Глава 4. Вилла Россо

Утро было слишком светлым — как насмешка. Солнце заливало комнату, отражалось от мрамора, скользило по белым простыням. Алиса открыла глаза и на секунду забыла, где она.

Потом вспомнила.

Сицилия.

Сделка.

Марко Россо.

Она села на кровати, не торопясь. Ни головокружения, ни слабости — тело бодрое, а вот душа будто ночевала в чемодане.

На прикроватной тумбочке лежала записка.

«Завтрак — внизу. Выходишь — направо, потом вниз по лестнице. Ничего не бойся. Я не кусаюсь. Пока.»

Подпись — размашистая, с хищным изгибом: М.

Алиса фыркнула.

«Не кусается» — говорит тот, кто сожрал всю её прежнюю жизнь.

Кухня была огромной — и пугающе пустой. Ни запахов, ни звуков, ни людей. Только идеально выстроенные банки, ножи, чёрный кофемашина и панорамное окно во двор. Птичьи тени на плитке и тишина.

Она нашла кофе. Сама. Сварила, как любила — крепкий, без сахара. Села на высокий стул и уставилась в окно.

Мир за стеклом жил отдельно. И она — в нём чужая.

— Ты рано, — раздался голос за спиной.

Алиса не вздрогнула. Просто медленно обернулась.

Марко стоял в дверном проёме. Тёмные джинсы, серая футболка, босиком. Спокойный, как утро после шторма. Только в глазах — дьявольская внимательность.

— В отличие от некоторых, я не привыкла просыпаться в роскоши, — сказала она, делая глоток.

Он усмехнулся.

— Это не роскошь. Это безопасность с плюшевой обивкой.

— Психологическая? Или просто не хочешь, чтобы я сбежала?

Он пожал плечами, подошёл, налил себе кофе. Его движения были отточены — человек, привыкший всё делать сам, но умеющий командовать, если надо.

— А ты хочешь сбежать?

— Пока нет, — призналась Алиса. — Но не потому что мне тут нравится. Просто я — смотрю.

— Смотри, — кивнул он. — Только помни: это не шоу. Тут все роли настоящие.

Она посмотрела на него — прямо, не мигая.

— А твоя? Кто ты тут: хищник, герой или просто сын своего отца?

— А ты кто? — отозвался он. — Жертва, разведчица или королева?

На секунду в воздухе повисло напряжение — словно щёлкнул нож в рукаве.

Алиса встала. Поставила чашку.

— Пока — наблюдатель. Но игра мне знакома.

Она вышла, не оборачиваясь.

А он смотрел ей вслед. В его лице не было ни улыбки, ни злости. Только интерес.

Днём ей выделили служанку. Молодая женщина, лет тридцати, с мягким взглядом и ловкими руками. Звали её Нина.

— Можешь звать меня просто Нина, синьора. Я буду присматривать за вами, пока вы...
здесь.

— Я не синьора, — отрезала Алиса. — Просто Алиса.

Нина кивнула, не обиделась.

— Вас всё устраивает в комнате?

— Устраивает. И не устраивает. Это же не отель, правда?

— Скорее замок, — чуть усмехнулась Нина. — Но в нём уже давно никто не жил.

— А Марко?

— Он... бывал. Но не жил.

Алиса задумалась.

Дом, где никто не живёт.

Пожалуй, точнее не скажешь.

Глава 5. Первая неделя на Сицилии

Первое утро в Сицилии Алиса встретила с тяжёлым чувством. Солнечный свет, заливавший спальню через полуоткрытые ставни, казался неестественно ярким — будто само солнце здесь подчинялось другим законам. Даже великолепие виллы с её мраморными полами и антикварной мебелью, даже завораживающий вид на террасы, спускающиеся к синему морю, не могли развеять её сомнений.

Всё вокруг напоминало декорации к спектаклю, в котором ей неожиданно отвели главную роль — без права репетировать или уйти со сцены.

Марко ждал её у лестницы, опираясь локтем о мраморные перила. В утреннем свете его черты казались мягче, почти человеческими. Возможно, это было иллюзией, а может — он действительно стал относиться к ней иначе, после того как она перестала бунтовать вслепую.

— Привыкаешь? — спросил он, когда она остановилась в двух шагах.

Голос звучал нейтрально, без металлической жёсткости.

Алиса провела пальцами по прохладному мрамору.

— К чему именно? К роскоши или к плену?

Сказано было без агрессии. Только усталость и ирония.

Он едва заметно качнул головой.

— К новому дню. Всё остальное — вопрос времени.

Дни складывались в однообразный, почти ритуальный распорядок.

Завтраки проходили в кухне, где на столе всегда уже ждали горячий кофе, фрукты, свежий хлеб. Поручения отдавал молчаливый и каменный Константе — телохранитель, экономка и тень в одном лице. Ни вопроса, ни взгляда. Только вежливость на автомате.

Алиса могла передвигаться свободно. Вилла была огромной: просторные залы, коридоры с настенными зеркалами, сад с лимонными деревьями, беседка у моря. Иногда ей казалось, что за ней наблюдают, но это не раздражало — скорее напоминало, где она.

Марко почти не появлялся. Ни навязчивости, ни попыток сблизиться. Он исчезал, словно знал: если надавит — потеряет больше, чем выиграет.

На третий день она нашла тренировочную площадку.

За домом, за изгибом сада, среди кипарисов — круг из утоптанной земли, деревянная стойка, скамья с полотенцем. Там он и был.

Марко тренировался. Простая чёрная футболка, боксёрские бинты, точные удары. Всё в нём было сосредоточено, точно выверено: ритм, дыхание, угол. Алиса стояла в тени, не двигаясь. Он её заметил — краем глаза. Но ничего не сказал. Только продолжил. Словно дал разрешение смотреть, но не вмешиваться.

Она ушла первой. Почувствовав, как пальцы в кулаке дрожат.

Вечером, на пятый день, случилось первое настоящее столкновение.

Алиса сидела в библиотеке. Стены до потолка, кожа кресел, запах пыли и старых книг. За окном шёл дождь. Липкий, тёплый, редкий. Она листала фолиант, не читая.

Дверь открылась без стука.

— Ты не ужинала, — сказал Марко, не входя.

Он стоял в проёме, плечи в каплях дождя, пальто чуть распахнуто. Лицо — закрытое, но не холодное.

— Не голодна, — сказала она, не поднимая глаз.

Он вошёл. Закрыл дверь.

— Боишься, — сказал негромко. — Думаешь, я подсыплю что-то в еду. Думаешь, потеряешь контроль.

Алиса захлопнула книгу. Пыль взлетела из переплёта, как птица.

— А разве не должна?

Он сел в кресло напротив. Не нависал. Не давил.

— Думаешь, я тебя ненавижу?

В его голосе впервые звучала... усталость? Или одиночество?

Алиса подняла взгляд.

— Думаю, ты привык контролировать. Всё. Даже меня.

Марко наклонился вперёд, опёрся локтями на колени.

— Контроль — это не про власть. Это про выживание. Я не могу быть слабым. Ни в чём.

Ни с кем.

— А я? — спросила она. — Я — твоя слабость?

Он посмотрел ей в глаза. Долго.

— Пока нет. Но ты опасна.

Позже, на террасе, они стояли молча. Дождь почти закончился, горизонт багровел.

Марко опёрся о перила.

— Ты уже часть этого мира, Алиса. Не потому что я так решил. Потому что иначе здесь не выживают.

Она ничего не ответила. Но впервые за всю неделю почувствовала — он говорит правду.

И, возможно, его клетка куда крепче, чем её.

Глава 6. Беги!

С каждым днём Сицилия меняла Алису. Вилла, казавшаяся роскошной тюрьмой, стала тренировочным лагерем, где Марко методично превращал её из дочери мафиози в человека, способного выживать. Не выживать красиво — а выживать вообще.

5:30 утра. Тренировочный зал.

Холодный мрамор обжигал босые ступни, мышцы горели от усталости, но Алиса не останавливалась. Она дышала тяжело, рвано — но продолжала.

Марко стоял в двух шагах. Его тень ложилась на неё, как вес чужой воли, давящий и неотвратимый.

— Снова, — бросил он.

Голос — спокойный, но в нём сталь. Он не кричал. Никогда. Не нужно было.

— Ты дышишь, как загнанный зверь. А в реальной ситуации именно это тебя убьёт. Контролируй дыхание.

Он не давал ей поблажек. Он не учил — он перепрошивал. За две недели Алиса научилась видеть то, чего раньше не замечала: микровыражения, фальшь, дыхание перед атакой, напряжение мышц — предчувствие опасности. Всё стало сигналом. Каждый взгляд — возможной угрозой.

Однажды вечером, во время прогулки по саду, тишину разорвали выстрелы.

Птицы взметнулись с кипарисов. Марко не колебался — толкнул Алису за мраморную статую Аполлона, сам закрыл её собой.

— Шесть, — прошептал, дыхание ровное. — Двое слева, трое справа, один сзади. Куда бежим?

Ладони Алисы вспотели, но она вспомнила всё, чему он её учил. Взгляд скользнул по территории — ища укрытие, маршрут, слабые точки.

— Фонтан, — так же тихо. — Каменная кладка выдержит пули. Оттуда — через оливковую рощу, к чёрному входу.

Уголки губ Марко дрогнули — почти, почти улыбка.

Когда опасность миновала, они вернулись в дом. В библиотеке, у камина, Марко провёл разбор.

— Ты замерла на три секунды, — сказал он, вращая бокал виски. Лёд тихо позванивал. — В нашем мире — это вечность. И смерть.

Алиса сжала кулаки. Гнев поднимался, как пламя вдоль позвоночника.

— Это была настоящая стрельба! А не твои актёры с холостыми!

— И это последнее оправдание, которое я приму, — отрезал он. Бокал лёг на стол с выверенной чёткостью. — Завтра — 5:00. Будем отрабатывать реакцию.

В три ночи его разбудили крики.

Алиса проснулась от кошмара — в поту, пальцы впились в простыни. Лицо — белое, глаза — пустые.

Марко сел рядом. Молча. Без приказов. Его движения — другие. Тише. Мягче. Почти... человеческие.

— Страх — это нормально, — сказал он. Голос в темноте звучал иначе. — Ненормально — позволять ему управлять тобой.

Он остался до рассвета. Рассказал, как в десять впервые держал пистолет отца. Как в двенадцать вычислил предателя — собственного учителя. Как в пятнадцать впервые убил.
На этом месте голос дрогнул, и Алиса сделала вид, что не заметила.

Прошёл месяц. И в один момент всё изменилось.

На деловой встрече партнёр Марко резко изменился в лице. Алиса первой почувствовала угрозу. Её рука легла на рукоять ножа — подарок Марко. Он учил: «если ты носишь оружие, оно должно стать продолжением тела».

Когда тот потянулся к пистолету — Алиса уже действовала. Два точных движения — и противник лежал на полу, скрюченный от боли.

Позже, когда остались одни, он смотрел на неё по-другому. Впервые — без попытки оценить или взвесить. Просто — смотрел.

— Сегодня ты спасла нам обоим жизни, — сказал он тихо. Его пальцы дотронулись до сигареты — жест, резкий, почти рефлекторный.

А у Алисы внутри что-то дрогнуло. Потому что она поняла: больше не та, что приехала сюда.

Марко её изменил. И обратного пути нет.

Перед сном она поймала себя на мысли: замечает тени в неправильных местах. Считывает маршруты. Слушает походку — и чувствует металл под одеждой собеседника.

Она стала продуктом этого мира.

И страшнее всего было то, что часть её — впервые чувствовала себя живой.

Глава 7. Горечь внутри

Алиса привыкала к вилле, как прирученное животное — к клетке. Она изучала каждый угол с холодной расчётливостью, запоминала расположение теней в разное время суток. Мраморные полы сверкали ледяным блеском, отражая её силуэт в искажённой перспективе. В завитках позолоченной лепнины прятались крошечные объективы камер — они следили за каждым её шагом.

Её «личная территория», как назвал её Марко, оказалась золочёной клеткой с бархатными стенами и барьерами из невысказанных правил. Здесь нельзя было быть собой. Здесь нужно было выживать — красиво.

Первые тревожные симптомы появились незаметно, вплетаясь в повседневность: утренняя тошнота, которую она списывала на сицилийскую кухню; головокружения, похожие на морскую болезнь; онемение кончиков пальцев — будто кто-то перетягивал их невидимыми нитями. Вкус привычных блюд искажался: кофе отдавал металлом, фрукты становились химически сладкими.

Она убеждала себя, что всё — от стресса. До тех пор, пока в один из полуденных зноев не потеряла сознание у бассейна. Её тело уже склонялось к воде, когда сильные руки перехватили её в последний момент.

— Опять не спишь? — голос Марко был ровным, но в глазах — то ли тревога, то ли досада. — Ты бледнее каррарского мрамора этих чёртовых статуй.

— Воздуха не хватает, — прошептала она, пытаясь подняться. Всё вокруг плыло. — Или ты подмешал что-то в кофе?

Он усмехнулся, но глаза остались холодными, как обсидиан.

— Если бы я хотел тебя отравить, ты бы уже знала. — Его голос стал медленнее, отчётливее. — И это было бы... изящнее.

Ситуация обострилась за ужином. Её язык внезапно онемел, а вино в бокале отдавало металлом. Марко заметил это по почти незаметной перемене дыхания. Вскочил, опрокинув стул:

— Всё. Хватит.

Он почти нёс её в спальню. Достав чёрный медицинский кейс с биометрическим замком, открыл его на ходу. Его пальцы — выполняющие обычно точные и отточенные движения — дрожали.

Экспресс-тест слюны. Молча. Секунда. Другая.
Результат заставил его сжать челюсти — на скулах выступили напряжённые жилы.

— Таллий, — коротко бросил он. — Классика. Медленно, аккуратно. Достаточно, чтобы разрушать тебя день за днём. Недостаточно, чтобы вызвать подозрения. Глупо.

Алиса почувствовала, как холод пробежал по позвоночнику. Сердце билось не в ритм — неровно, с провалами.

— Ты... знал?

— Подозревал, — отозвался он, доставая ампулу с голубоватой жидкостью. Ловко сломал горлышко. — Антидот. Принимать каждые три дня. Пока не выведем всё.

На следующее утро правила изменились.
1. Все продукты теперь проходили двойную проверку — его людьми и им лично.
2. Алиса училась проверять еду сама — ещё один урок выживания.
3. Они начали есть из одной тарелки. Символ доверия. Или вынужденное единство.

— Доверие — роскошь, — сказал он однажды, откусывая от её яблока. — Но иногда — необходимость.

Яд методично превращал её тело в поле боя.
• По утрам — дрожь в руках, будто под кожей проложены живые провода.
• По ночам — кошмары, где стены виллы смыкались, как жабры.
• Потеря вкуса: еда превращалась в безвкусную массу, как из чужой жизни.

Но вместе со слабостью росла ярость — холодная, точная. Кто-то осмелился вторгнуться в самое личное — её тело. И он, или она, пожалеет об этом.

Вечером, когда голова вновь закружилась, она не скрыла слабость. Вместо этого резко схватила нож для стейка и вонзила его в столешницу перед Марко. Рукоятка долго дрожала.

— Хватит игр. Кто это делает?

Он медленно поднял взгляд. Ни раздражения, ни страха.

— Если бы я знал — они были бы мертвы, — спокойно ответил он.

Пауза. Только тиканье старинных часов.

— Но теперь ты поняла главное: в этом мире даже воздух может быть оружием.

В его глазах — ни холода, ни злости. Только... гордость. Не за себя. За неё.

Алиса сжала кулаки. Ногти вонзились в ладони.

Теперь она знала: её война только начинается. И враг — рядом. Среди мраморных стен. В зеркалах. В улыбках. В бокале.

Глава 8. Первая пешка

Утро началось с неожиданного испытания.

Когда Алиса вошла в столовую, её встретила новая сцена: помимо Марко, за столом сидела пожилая женщина с серебристыми волосами, уложенными в безупречный шиньон. Её лицо напоминало античную маску — благородные черты, выточенные временем, но глаза...

Глаза были, как у змеи перед атакой: неподвижные, без блеска, будто свет в них не задерживался.

— Вот и наша гостья, — произнесла женщина на безупречном итальянском. Голос — шелк по лезвию ножа. Мягкий, скользкий, и оттого — опасный.

Алиса вздрогнула. По спине пробежали мурашки.

Марко представил её с холодной вежливостью — настолько отстранённой, что это прозвучало хуже, чем откровенная неприязнь.

— Моя тётя Виттория. Советница моего покойного отца. Отвечает за... безопасность семьи.

Перед последним словом он сделал едва уловимую паузу.

— И за её чистоту, — поправила Виттория, отставляя фарфоровую чашку с идеальным звоном. — Что, к сожалению, в последнее время стало сложной задачей.

Алиса поняла всё без необходимости перевода.

Этот взгляд, скользнувший по ней с холодной оценкой. Этот голос, пропитанный презрением под вуалью светской вежливости. Она узнала в ней источник яда. Не руками, конечно — такие женщины не пачкают пальцы. У них для этого есть другие.

После завтрака, у бассейна, Марко закурил, наблюдая, как Алиса сжимает кулаки так сильно, что костяшки побелели. Дым стелился между ними, как временная граница.

— Это был ритуал, — сказал он, не глядя на неё. — Не мой. Но я знал о нём.

— Ты позволил им травить меня? — голос дрогнул, но не от страха. От ярости. Глубокой, сдержанной.

— Я дал тебе антидот. Контролировал дозы, — он стряхнул пепел. — Если бы ты сломалась — Виттория добилась бы своего. А теперь ты доказала: ты не просто русская девочка. Ты можешь быть одной из нас.

— Я не хочу быть “одной из вас”.

Он повернулся к ней, и в голосе появилась другая нота — тише, глубже.

— Тогда стань той, перед кем даже Россо снимет шляпу.

Алиса замерла. Эта фраза... была не просто вызовом. Это была линия, через которую ей придётся переступить.

С того дня всё изменилось.

Её тарелки теперь были другого цвета — кобальтово-синие среди белоснежного фарфора. Как метка, как предупреждение.

Чай подавал лично Марко. Его пальцы задерживались на чашке, проверяя температуру. Его глаза — на лице Алисы, ловя каждое микродвижение.

Служанка Нина, протирая стол, вдруг наклонилась ближе, спрятав губы от камер.

— Если что-то будет не так — сразу мне, — прошептала она. — Не все здесь против вас. Некоторые устали... от старого порядка.

Ночью Алиса стояла перед зеркалом в спальне, разглядывая своё отражение.

Бледная кожа. Сухие губы. Тонкие тени под глазами.

Но в зрачках... не осталось страха. Только холодная, взрослая решимость. Та самая, которую она прежде видела у Марко.

Вилла больше не казалась ей тюрьмой. Это была шахматная доска. И сегодня она получила свою первую фигуру. Нина.

Пусть это всего лишь пешка — игра началась.

А внизу, в кабинете, Виттория говорила по защищённой линии.

— Нет, она не сломалась... пока. — Голос всё такой же мягкий. — Но у нас есть другие методы. Более... наглядные.

Алиса улыбнулась своему отражению. Спокойно. Без радости.

Пусть попробуют. Теперь она знала правила. И была готова играть до конца.

Потому что лучший способ победить в чужой игре — начать играть в свою.

Глава 9. Линия огня

Вилла раскрывала свои тайны медленно, как дорогая шкатулка с потайными отделениями. За позолоченными фасадами скрывались следы прошлого: царапины на паркете от старых перестрелок, едва заметные пятна на мраморе, которые не отмыть никакой химией. Алиса училась читать эти метки, как расшифровывать древние руны. С каждым днём она всё лучше понимала: в этом доме всё имеет значение — даже тишина.

На ужине, когда повар подал ризотто с трюфелями, Алиса поймала на себе взгляд Марко. Его внимание было лезвием — оно не касалось, но резало точно.

— Боишься, что я подмешала что-то в твоё вино? — произнесла она, вращая бокал. Рубиновые блики скользили по скатерти.

— Я больше опасаясь, что ты отравишь меня случайно, — откинулся он на спинку кресла, двигаясь с кошачьей грацией. — Сегодня ты уже дважды чуть не остановила моё сердце. Улыбкой.

Щёки обожгло теплом. Но Алиса выдохнула медленно, ледяным ветром:

— Может, это просто несварение?

Марко хмыкнул, и в уголке его глаза легла тень морщины — не от возраста, а от эмоции:

— Если это несварение, то самое приятное из всего, что со мной случалось.

Он не приближался — но каждый его взгляд оставлял на её коже невидимые следы. Словно он чувствовал ритм её дыхания, ловил дрожь ресниц. Это молчаливое внимание было опаснее прикосновений — оно оставалось даже в его отсутствие.

Однажды, на рассвете, Марко вдруг спросил:

— Хочешь научиться владеть шпагой?

Она вскинула бровь:

— Это намёк на мои колкости?

— Ты умеешь атаковать. Пора научиться защищаться. И бить — по правилам.

Он привёл её в старинный зал фехтования. Воск, дерево, кожа, клинки — всё пропитано временем. В углу, под стеклом, стояли шпаги XVIII века — музейные, но живые. Алиса ощущала, как за их лезвиями — кровь и история.

Когда Марко подошёл сзади, чтобы поправить хват, его руки легко обхватили её пальцы. Его грудь почти касалась спины, дыхание — шеи.

— Вот так. Уверенно. Шпага — это продолжение руки. Как язык. Только опаснее.

— Ты говоришь о шпаге или о себе? — выдохнула она, чувствуя, как по позвоночнику прошёл электрический ток.

Он не отстранился. Не приблизился. Только произнёс:

— Я — зеркало. То, чего ты боишься, уже внутри тебя.

Позднее, в лунном саду, они сидели рядом на каменной скамье. Расстояние между ними — один вдох.

Марко сорвал с ветки вишню. Протянул. Их пальцы встретились — слишком долго для простого жеста.

— Холодные руки, — сказал он.

— А у тебя пульс, как у преступника перед ограблением, — парировала она, чувствуя, как под его рубашкой бьётся сердце — быстро, мощно.

Он прищурился. В глазах вспыхнул опасный огонь:

— Ты пытаешься меня напугать?

— Нет, — ответила она, глядя прямо в него. — Я тебя возбуждаю.

Молчание. Только стрекотание цикад. Он не засмеялся. Не отвёл глаз. Просто смотрел — как хищник, выбравший добычу, но не спешащий сделать последний шаг.

— Ты только что заработала первое очко, Алиса, — сказал он наконец. — Но помни: я играю вдолгую.

И она поняла — всё изменилось. Больше не было только выживания. Больше не было только страха.

Теперь это была игра. На равных. С огнём.

И самое страшное — Алиса уже не была уверена, хочет ли победить. Или... предпочитает проиграть — только ему.

Глава 10. Искры между пальцами

Вечер был подозрительно тихим. Тишина — плотная, вязкая, как перед бурей. Марко уехал на встречу с кланом, оставив Алису под присмотром Рикардо — молодого охранника с обманчиво открытой улыбкой и глазами, которые скользили по женским телам, как по винной карте в ресторане.

Алиса была в коротких шортах и рубашка Марко — на пару размеров больше, пропитанной его запахом. Часть её надеялась, что он заметит. Другая — что это его разозлит.

— Ты бросаешь хуже, чем стреляешь, — заметила она, подбирая шар для петанка. (Петанк — провансальский национальный вид спорта, в котором игроки по очереди бросают металлические шары, стараясь поставить свой шар рядом с маленьким деревянным шаром — кошонетом.) Металл был тёплым от солнца.

Рикардо наклонился ближе, дыхание коснулось её шеи:

— Я лучше защищаю, чем нападаю. Но если нужно...

— Нападёшь? — Алиса приподняла бровь. Его пальцы скользнули по запястью — слишком вольный жест. — Опасная игра. Я уважаю мужчин, которые знают, когда остановиться.

— А я — женщин, которые не знают, — прошептал он.

И в этот момент из темноты раздался голос. Тихий, спокойный. Но холодный, как выстрел:

— Приятный вечер, да?

Марко стоял в тени колонны, руки в карманах. Всё его тело напряжено, как у пантеры перед прыжком. В глазах — не гнев. Обещание.

— Синьор Россо... — Рикардо отпрянул, будто обжёгся. — Мы просто...

— Я видел, — перебил Марко, медленно выходя на свет. — Вы учили её не технике броска, а чему-то куда более... личному.

Тишина повисла, как лезвие гильотины перед падением.

Алиса не отвела взгляда. Не дрогнула.

— Зато ты наконец заметил, как мне идёт твоя рубашка, — бросила она, ловя, как потемнели его глаза.

Он подошёл ближе. Медленно. Каждый шаг — точный, тяжелый, как шаг в сторону, с которого не будет возврата.

— На тебе хорошо смотрится всё, — прошептал он. — Особенно, если это надевается для меня. Но есть разница между тем, что красиво, и тем, что принадлежит мне.

Рикардо исчез — быстро и навсегда. Марко остался.

— Ты ревнуешь? — спросила Алиса, подняв подбородок.

— Я не ревную, — его палец скользнул по её обнажённому плечу. — Я просто не делю то, что считаю своим.

Когда он ушёл, воздух вокруг всё ещё дрожал от напряжения. Только позже, в своей комнате, Алиса заметила: на ней всё ещё была его рубашка — пахнувшая их смешанными ароматами. Слишком личная. Слишком знакомая.

Чёрт бы его побрал.

Она встала. Не переоделась. И без стука вошла в его комнату.

Марко сидел за столом, освещённый единственной лампой. Винный бокал, бумаги. Он не поднял взгляда.

— Не спишь? — её голос прозвучал вызывающе.

— Теперь нет, — он отставил бокал. — Ты в моей рубашке. Без штанов. Будем просто разговаривать?

— Тебе не идёт ревность, — сказала она, приближаясь. Сердце колотилось в груди, как будто кто-то бил по внутренней стенке.

— Ты не мой парень.

Марко поднял руку. Свет лампы скользнул по металлу.

— Я обеспечиваю безопасность. А ещё, дорогая, мы женаты, — произнёс он сухо, демонстрируя обручальное кольцо.

Алиса застыла. Не от слов — от того, как он их произнёс. Без иронии. Без притворства. Будто напоминал ей о чём-то, что она забыла — или притворилась, что забыла.

— Это было формальностью, — сказала она тихо. — Сделкой между кланами.

— Не для всех. — Он подошёл ближе. Теперь расстояние между ними можно было измерить сердцебиениями. — Для кого-то — это обязательство. Для кого-то — защита. Для кого-то — власть.

— А для тебя?

Он молчал секунду. Две.

— Для меня это повод не позволить тебе уйти.

Она не знала, что ответить. Не знала — хочет ли отвечать.

Никто из них не говорил вслух, что будет после. Что будет, если она влюбится. Или если он сделает первый шаг. Потому что всё это — опаснее пуль, яда и клятв.

Марко отвёл взгляд. Подошёл к столику, взял бокал. Сделал глоток — и, не оборачиваясь, сказал:

— Я знал, что ты придёшь. Только не знал — зачем.

— Я тоже, — призналась она, сев на край дивана. Ноги подогнула под себя. Не от холода. От неуверенности.

Они молчали. Долго. И в этой тишине было больше, чем в сотне слов. Стена между ними больше не казалась непроходимой — но по-прежнему стояла. Просто... появилась трещина.

Марко не подошёл. Он остался на расстоянии. Он дал ей выбор.

И она поняла — это и была его форма близости. Он не прикасался, не давил, не приказывал. Он просто оставлял дверь открытой.

Когда она уходила, он снова заговорил — на этот раз без остроты:

— Если ты когда-нибудь решишь, что готова быть не просто заложницей, а партнёром — скажи.

Он сделал паузу.
— Но не обманывай ни себя, ни меня. Потому что ты уже не одна.

Он взглянул на её пальцы.
— И кольцо — не просто украшение.

В своей комнате Алиса стояла у зеркала.

Сняла футболку. Но не смогла снять ощущение его взгляда. Не с кожи — с души. Он видел в ней больше, чем она хотела показать. И хуже всего — он, кажется, видел её настоящую.

Она не надела ночную рубашку. Легла под простыню — в белье, злится, дрожит.

Жена.

Слово крутилось в голове. И с каждой минутой становилось всё менее формальным.

Глава 11. На руках - жизнь

Сицилийское солнце в тот день било в окна безжалостно. Алиса сидела на подоконнике, распутывая после сна волосы. За стеклом цвели апельсиновые деревья, воздух был напоён горьковато-сладким ароматом. Всё казалось обыденным. Даже слишком.

Пока не зазвонил телефон.

Один звонок. Два слова.

— Брат мёртв.

Марко застыл у окна. Телефон хрустнул в руке, экран разлетелся осколками. Стекло впилось в ладонь, кровь капала на мрамор — но он будто не замечал.

Яркое солнце вдруг потускнело. Комната словно сжалась.

Алиса не успела ничего сказать. Он уже мчался к двери. Следы его шагов — алые.

Машина летела по серпантину, взметая пыль. Алиса сидела рядом. Пальцы вцепились в сиденье, ногти впились в ладони.

Марко не произнёс ни слова. Только смотрел в дорогу. Сжав челюсти. Сжав себя.

— Марко... — её голос дрожал, тише гула мотора.

Он вдохнул резко. Будто всплыл из глубины.

— Все. Брат. Невестка. Охрана. Водитель. Машина взорвалась на Via Trapani.

— Боже...

— Только он выжил. — Марко закрыл глаза на секунду. — Их сын. Спал у няни дома. Три месяца...

Он не договорил. Слова будто застряли в горле.

— Я должен его забрать. Пока не началась война.

Дом в пригороде Палермо пах детским шампунем и пустотой. В центре комнаты — кровать. В ней — крошечный комочек с кулачком у лица. Щёки красные, ресницы влажные.

Доменико.

Марко застыл у порога. Ни шагу. Ни слова. Только дыхание, едва слышное.

— Я держал его на крещении, — прошептал он. Голос дрогнул. — Брат... он говорил, что малыш будет нашим будущим. Что ему суждено...

Он опустился на колени. Скрестил руки, уткнулся в них лицом. Плечи дрожали. И с каждой секундой дрожь становилась всё сильнее.

Алиса подошла сзади. Не как фиктивная жена. Не как фигура в чужой игре. Как человек. Просто — человек.

Её руки легли ему на плечи. Подбородок — в макушку.

— Его найдут, — сказала она тихо. — И уничтожат. Даже ребёнка.

Марко не ответил. Только всхлипнул. Глухо.

— Мы можем спрятать его. Забрать. Сказать, что это наш ребёнок. Что я родила. Что ты...

Он резко поднял голову. В глазах — боль, недоверие, страх.

— Ты... серьёзно?

— Я знаю, как это звучит. Но это сработает. Никто не будет копать под новорожденного, если он в объятиях матери и с фамилией Россо.

— Ради него? — прошептал он. — Или ради меня?

Алиса не колебалась.

— Ради него. А ради тебя... — она улыбнулась печально, — ...я уже многое сделала. Это просто ещё один шаг.

Он притянул её к себе. С такой силой, что воздух вышибло из лёгких. Лицо спрятал в её шее. И плакал.

Настоящие слёзы. Без маски. Без права быть сильным.

Через две недели они покидали виллу.

Алиса — с подложным животом, мягкой улыбкой, что казалась настоящей.
Марко — с пустым взглядом и детской замаскированной переноской.
Внутри — маленький Дёма. Голубое одеяльце, слабое посапывание, крошечный кулак у щеки.

Они уезжали не вдвоём. Уже втроём.

Солгали всему миру.

Чтобы спасти одну жизнь.

Глава 12. Театр одной семьи

Первый месяц их «семейной жизни» оказался адом, замаскированным под идиллию.

Не из-за бессонных ночей — хотя Дёма орал так, что чайки на скалах взлетали в панике. Не из-за неумелых рук Алисы — хотя следы детской смеси теперь украшали не только её одежду, но и потолок кухни. Спасибо Нине, что она была рядом и во всём помогала.

А из-за того, что каждый день был спектаклем.
 И публика — не прощала фальши.
 Здесь за фальшь убивают.

— Синьора, когда рожать-то ждать? — допытывалась соседка, склонившись над пустой коляской с приторным интересом и разглядывая ненастоящий, но очень натуральный живот.

— Через неделю, — отвечала Алиса, чувствуя, как под платьем сползает подушка-протез и по спине стекает холодный пот.

Марко в такие моменты превращался в статую. Ни тени эмоции. Только пальцы, сжимающие ручку коляски до белизны костяшек, выдавали, что внутри — буря.
 Его застывшая улыбка была такой ледяной, что даже уличные кошки прятались под машины.

Их дом — чужой, арендованный под поддельными именами — висел на краю скалы, как гнездо стервятника.
 По утрам Алиса выходила на террасу, которая была скрыта от чужих глаз: в одной руке — чашка кофе, в другой — Дёма, маленький тёплый комочек, перевернувший их мир.

Марко исчезал на рассвете. Возвращался к закату. Иногда — с запахом пороха на рубашке. Иногда — с новыми шрамами, которые она находила, когда он переодевался, а она стирала его окровавленную одежду.

Вопросы висели в воздухе, но оставались невысказанными.
 Ответы она читала в его глазах — тёмных, как сицилийская ночь без звёзд.

Однажды ночью, когда Дёма, наконец, уснул, прикусив её палец беззубыми дёснами, Алиса прошептала в темноту:

— Он настоящий. А я — фальшивка. Просто девочка с подушкой под платьем...

— Врёшь слишком убедительно, — раздался голос из прихожей.

Марко стоял в дверях. Мокрый от дождя. С пистолетом в руке. Тень в глазах — та, что приходит после убийства. Или после страха.

— Сегодня я подумал, что нас нашли, — произнёс он, снимая оружие с предохранителя с привычным щелчком. — На рынке. Старик с акцентом моего детства. Я стоял и считал секунды: «Дай им три».

Он поднял глаза. В голосе появилась дрожь.

— Первая — чтобы убить меня. Вторая — чтобы открыть дверь. Третья — чтобы ты успела убежать с Дёмой.

Он опустил на колени. Перед ней.
 Не перед женщиной. Перед своим выбором.

И она вдруг поняла — человек, перед которым трепетал весь Палермо, сейчас был беззащитен. Как ребёнок.

— Ты стала матерью, — сказал он. Его пальцы коснулись её ладони. Шершавые, натруженные. — А я... стал тем, кого всегда боялся.

— Кем? — её голос дрогнул, как пламя на ветру.

Он улыбнулся — грустно.

— Твоим мужем. По-настоящему.

Внезапно заплакал Дёма. Резко. Настойчиво. Живо.

И в этом крике было всё: их ложь, ставшая правдой. Их маска, ставшая лицом. Их страх, ставший смыслом.

Марко не встал. Не отвёл взгляда. Только прошептал:

— Он будет жить. Чего бы нам это ни стоило.

И она кивнула.

Теперь они играли не роль.
Теперь они были главными героями, придуманной пьесы..

Глава 13. Мама

Алиса не заметила, когда страх сменился чем-то другим.

Сначала она боялась дышать рядом с Дёмой — таким хрупким, таким чужим. Потом научилась пеленать его, не дрожа при каждом движении. А однажды ночью вдруг поняла, что укладывает его в полной темноте, ориентируясь только на звук его дыхания. Он засыпал у неё на груди — тёплый, тяжелый, как якорь в этом зыбком мире.

— Он любит, когда ты поёшь, — сказал как-то Марко, прислонившись к дверному косяку. Рубашка расстёгнута, на шее свежая царапина.

— Да иди ты, Россо, — хрипло усмехнулась она, поправляя ребёнку пижамку. — Ты сам пел так, что я думала: сейчас явится дьявол и заберёт обоих.

— Я его и вызывал. Он называется «колики».

Они засмеялись. Настоящим, живым смехом. Без оглядки. На секунду — как обычная семья в обычном доме.

Утро начиналось с кофе. Марко варил его по-неаполитански — крепкий, без сахара, в старой алюминиевой кофеварке, которая вечно подтекала. Но он всегда оставлял второй стакан — чуть разбавленный молоком.

Потому что знал, что она любит именно так. И знал, что она никогда не попросит.

Эти молчаливые ритуалы стали их языком. Без слов, но понятным только им.

Алиса ходила на рынок сама. Училась выбирать самые спелые помидоры, торговаться на ломаном итальянском. Её называли «молодая сеньора Россо», и она не поправляла. Потому что ложь, рассказанная сотни раз, стала казаться правдой.

Иногда, просыпаясь утром, она забывала, что Дёма не её кровь. Просто — её.

А Марко... он иногда смотрел на неё так, будто в ней было всё, что у него осталось.

В ту ночь Дёма не спал. Плакал, будто что-то чувствовал. Алиса укачивала его, прислушиваясь к странной тишине, в которой — как будто кто-то затаился.

— Он как барометр, — прошептала она. — Чувствует, что надвигается буря.

— Нет, — ответил Марко, прикладывая ладонь к её спине. Тёплую, шершавую. — Он чувствует тебя. А ты — всё остальное. Не бойся. Он твой. Он слышит тебя. Всегда.

— А если я не справлюсь?

Он взял ребёнка у неё. Осторожно. Словно держал святыню.

— Тогда справимся вместе.

Он сел с ним в кресло и начал напевать. Мягко, негромко. С акцентом. С любовью. Алиса смотрела, как мужчина, которого боялись города, укачивает её сына — тихо, уверенно, по-настоящему.

— Ты ведь понимаешь, да? — сказала она, опускаясь рядом на колени. — Если нас найдут... если всё рухнет...

Марко поднял глаза. В них не было страха. В них был свет. Настоящий.

— Мы будем биться. За него. За нас. За каждый чёртов вдох, Алиса.

Она взяла его за руку. Пальцы легли на старый шрам. Тот самый, что остался после той ночи, когда всё началось.

— Тогда пообещай мне...

— Что?

— Что не отпустишь меня первый.

Он ничего не сказал. Просто обнял. Крепко.

В ту ночь они спали втроём.
 Как настоящая семья.

Пусть построенная на страхе, лжи и бегстве.
 Но разве есть семьи, построенные на чём-то другом?

Глава 14. Чёрт...

Две недели назад

Два часа ночи. Пронзительный детский плач разорвал тишину. Алиса подскочила с кровати — тело уже знало: этот крик не просто каприз. Это — тревога.

Она влетела в детскую, не включая свет. Пустая кровать. Разбросанное одеяло. Приоткрытое окно.

— Марко?! — её голос сорвался на крик.

Ответа не последовало.

Она обежала весь дом: кухня, ванная, терраса. Никого. Только ночной ветер шевелил занавески, как призрачные пальцы.

Босиком, в одной ночнушке, Алиса выскочила на улицу. Ледяной ком в груди. И вдруг — шёпот голосов в переулке.

Двое в чёрном. Один держал свёрток с Дёмой. Второй говорил в телефон:

— ...не знали, что она с ним, босс. Прикажешь — уберём...

Рёв вырвался из неё сам — звериный, древний. Алиса рванулась вперёд. Ногти впились в лицо похитителя, колено ударило второго в живот. Она вырвала ребёнка и прижала к груди, шепча, почти рыча:

— Мой. Мой. Мой.

Выстрел.

Марко стоял в трёх шагах. Пистолет в руке. Лицо — маска. Голос — лезвие:

— Алиса, назад.

— Ты знал?! — её руки дрожали. — Ты знал, что это случится?!

— Нет. Но теперь я знаю, кто нас предал.

Настоящее. Три недели спустя

Алиса не спала ночами. Даже когда Дёма молчал, тело оставалось напряжённым, пальцы сжимались в кулаки. Врач, привезённый Марко, оставил пузырьёк с успокоительным. Он стоял нетронутым.

Сегодня она встала раньше крика. Что-то шевельнулось внутри, ещё до того, как малыш заворочался.

— Уже иду, солнышко, — прошептала она, накидывая халат.

Когда взяла его на руки, сердце щёлкнуло. Запах — шампунь, молоко, его кожа — был уже родным. Как голос. Как дом.

Дверь скрипнула. На пороге стоял Марко. Не выспавшийся. Не выбритый. Чужой и близкий одновременно.

— Дай мне, — протянул руки.

— Я справлюсь.

— Знаю. Но мне тоже нужно.

Он взял Дёму — осторожно, как святыню. Его движения ещё были неловкими, но взгляд — сосредоточенным. Руки дрожали.

— Ты не спал?

— Не мог. Каждый раз, когда закрываю глаза — вижу тот переулок. Слышу твой крик.

Алиса прикусила губу.

— Мы живём как на вулкане.

Марко кивнул. Затем:

— Хочешь уехать?

Вопрос, висевший в воздухе с той самой ночи. Но сейчас он звучал как настоящее предложение, а не идея.

— Куда? — горько усмехнулась она. — Они найдут везде.

— Не если мы исчезнем правильно. Новый город. Новые имена. Мыслей о прошлом — никаких.

Его голос был ровным, но в нём пряталось нечто другое — неуверенность.

— Это значит — не оглядываться, — продолжил он. — Никогда не увидеть семью. Никогда не вернуться.

— Я знаю, — перебила она тихо. И тоже — знала. Бежать — значит похоронить всех, даже тех, кого уже похоронил.

Дёма заворочался. Крошечные пальцы вцепились в рубашку Марко. И в этот момент Алиса увидела: на лице Марко — не гнев. Боль. Жуткая, мужская, безысходная.

— Я не могу потерять его. И тебя. Не снова.

Она шагнула вперёд. Вторая. Потому что сейчас — не было первого.

— Тогда мы остаёмся. И сражаемся. Вместе.

Его рука накрыла её ладонь. Крепко. Без слов.

— Вместе, — повторил он.

Рассвет застал их у окна.

Они стояли втроём.
Ребёнок на руках.
В груди — страх.
В глазах — надежда.

Глава 15. Вместе (18+)

Ещё три недели спустя

Алиса проснулась от тихого шороха. Рука инстинктивно скользнула к пустому месту на кровати — Марко снова встал до рассвета.

Она привыкла находить его в кресле у окна детской, где он, склонившись, поправлял одеяльце спящего Дёмы. Словно сторожил его сон.

Сегодня было иначе.

Из кухни доносился запах кофе и яичницы. Алиса замерла в дверях. Марко, обычно неуклюжий у плиты, аккуратно переворачивал омлет одной рукой, а в другой держал Дёму. Малыш увлечённо жевал край рубашки, оставляя мокрое пятно.

— Ты поспал, — заметила она, беря ребёнка. Тот тут же потянулся к ней, и в груди что-то тёплое откликнулось.

Марко повернулся. Тёмные круги под глазами стали меньше, но не исчезли совсем.

— Всего два часа. Рекорд.
Он налил ей кофе — с молоком, как она любит.
— Он проснулся в пять. Я решил дать тебе поспать.

Они завтракали в непривычной тишине. Дёма дремал у Алисы на коленях, пальцы цепко держались за её халат. Она заметила, как Марко украдкой коснулся крошечной ладошки, будто проверяя, что это не мираж.

— Сегодня врач, — напомнила она. — В три.

— Я договорился о новой клинике. Без вопросов.

Алиса знала — это стоило ему и денег, и старых долгов, которые лучше не вспоминать.

В клинике

Доктор Манфреди, пожилой человек с добрым лицом и мягкими руками, взвешивал Дёму.

— Прекрасный набор веса. Окреп.

Марко стоял у стены, внешне расслабленный, но взгляд — как рентген. Когда доктор взял шприц для прививки, воздух стал гуще.

— Это обязательно? — голос его был ровным, но Алиса узнала ту самую нотку.

Она коснулась его запястья:

— Это обычная вакцина.

Он замер, потом кивнул. Когда игла коснулась кожи малыша, его рука сжала её плечо до синяка.

Позже, в машине, он провёл ладонью по лицу:

— Прости. Я... не справляюсь.

Алиса взяла его руку, положила на спящего Дёму.

— Смотри. Он в порядке. И ты в порядке. Мы справимся.

Его пальцы дрогнули. Потом осторожно обняли сына.

Ночь

Алиса снова проснулась одна. Лунный свет падал на пустую половину кровати. Простыни были холодными.

Он сидел в гостиной перед камином. В руках — старый альбом.

— Это твой брат, — догадалась она, садясь рядом.

Марко молча показал снимок: два мальчика. Старший — обнимает младшего. Живые глаза. Без тени страха.

— Ему было восемь. Мне — пять.
Он выдохнул.
— Я не знаю, как рассказать Дёме о нём. И о его маме.

— Мы найдём слова, — сказала она. — Когда придёт время.

Он закрыл альбом, повернулся. В его глазах — огонь. Не гнев. Не ярость. **Боль** и жизнь одновременно.

— Ты уверена, что хочешь этого? Жить в тени моей фамилии? Под риском? Постоянно? Алиса взяла его лицо в ладони.

— Я хочу жить с тобой. И с ним. Всё остальное — просто фон.

Он поцеловал её ладони — медленно, благодарно.

Потом достал коробочку.

— Для Дёмы. На его первый день рождения.

Серебряный медальон. Внутри — гравировка: имена его родителей.

— Чтобы знал. Чтобы помнил.

Она прижала его к груди. И впервые за долгое время — расплакалась. Тихо. Не от боли. От того, что нашла свою точку опоры.

...Огонь в камине потрескивал. Алиса сидела рядом, обнимая медальон, а Марко продолжал держать её за плечи. Тишина между ними была не пустой — она была наполненной.

Когда она повернулась, он уже смотрел на неё. Глубоко. Медленно. Без привычной сдержанности.

— Ты плачешь, — сказал он шёпотом. Не вопрос, не укор — констатация чего-то важного.

Алиса кивнула. Не отвела взгляда. Наконец-то не нужно было ничего скрывать.

Он дотронулся до её лица. Пальцы скользнули по щеке, подбородку. **— Я могу...?**

Она не ответила — просто потянулась к нему первой.

Их губы встретились в нерешительном, почти испуганном поцелуе. Как у тех, кто уже чувствует многое, но ещё не уверен, можно ли это. Но потом он углубился, стал другим — нетерпеливым, горячим, настоящим.

Марко поднял её, будто она была легче пёрышка, и понёс в спальню. Дверь осталась полуоткрытой. Им больше нечего было прятать.

Он раздевал её медленно, будто изучал. Как воин, впервые трогающий святыню. Его ладони касались кожи с благоговейной неуверенностью, как будто он боялся разрушить то, что только начал строить.

Алиса отвечала — жадно, с тихими вдохами, с ногтями, оставляющими следы на его спине. Как будто хотела сказать: «Я с тобой. Я выбираю тебя».

Когда он вошёл в неё, она не зажмурилась — наоборот, смотрела прямо в глаза. Потому что это было не про тела. Это было про обещание. Про клятву. Про всё, что случилось до и случится потом.

— Ты уверена? — прошептал он, затаив дыхание, замирая внутри неё.

— Только с тобой.

Они двигались вместе — сначала осторожно, потом всё смелее, теряя границы. Алиса чувствовала, как рушится всё старое — страх, маски, недоверие. И на его месте — рождалась новая она.

Когда всё закончилось, он не отстранился. Не убежал. Просто остался рядом, обнял, поцеловал в лоб.

— Спи, — сказал он. — Я с тобой.

И она уснула. Уставшая, обнажённая, счастливая. Впервые — по-настоящему.

Через четыре месяца

Алиса стояла перед зеркалом. Боковой силуэт — уже с намёком. Рука легла на едва округлившийся живот.

— Ты уверена, что хочешь оставить его? — голос Марко был тихим.

— Мы оба знаем, — сказала она, — я не пойду на аборт.

Он обнял её сзади, положил ладони на живот.

— Я не об этом. Я видел, как ты устаёшь с Дёмой. А теперь — ещё один...

— Ты боишься?

Он не ответил.

— Я боюсь, что не смогу защитить вас всех.

— Ш-ш-ш... — она прижала палец к его губам. — Мы уже пережили худшее.

Её рука скользнула к ремню.

— Так может... потренируемся быть родителями двоих?

Он застонал.

— Ты невозможна.

— Зато твоя. Полностью.

Утро

Дёма, как по расписанию, разбудил их в шесть. Алиса потянулась — но Марко был быстрее.

— Лежи. Сегодня я.

Она наблюдала, как он берёт малыша. Шепчет. Меняет подгузник одной рукой. Уверенно.

— Учишься, — улыбнулась она.

— Скилл пригодится. Когда появится второй.

Он положил Дёму между ними. Тот тут же уткнулся в Алису, но Марко не отрывал взгляда от неё.

— Смотри, уже ревнует, — усмехнулся он.

— Подождёт. Сначала папин завтрак.

Она притянула его к себе. Поцелуй был солёным от усталости и сладким от любви.

Дёма заворочался. Марко рассмеялся:

— Уже командует. Как его мать.

Алиса поймала его руку, положила на живот.

— Подожди, пока этот начнёт. Узнаешь, что такое настоящий босс.

В его глазах вспыхнул огонь. Решимость. И клятва.

— Я сделаю так чтобы у вас было всё.

И она знала — он не бросит слов на ветер.
Алиса улыбнулась. Их маленькая, хрупкая, безумно дорогая вселенная — становилась больше.

Глава 16. Папа, я - Россо

Кабинет Владимира Дьякова дышал холодом и властью. Тёмные панели, массивный дубовый стол, коллекционное виски в хрустальном графине. На столе лежала фотография — Алиса в летнем платье с младенцем на руках. Её ладонь — на округлившемся животе.

Вторая беременность.

Дьяков сжал снимок так, что хрустнула бумага.

— Я отдавал её на перевоспитание, а не замуж, — прошипел он, бросая фото в камин. Пламя мгновенно поглотило её улыбку.

— Она... счастлива, Владимир Сергеевич, — осторожно заметил телохранитель.

— Счастье — слабость.
 Двое детей делают её уязвимой. Найди мне Россо. Он придет сюда. Один.

Сицилия. Утро.

Алиса стояла на террасе, укачивая Дёму. Где-то в доме Марко ворчал на сломанную полку.
 Покой. Тишина. Новая жизнь, такая хрупкая и невозможная.

— Посылка с севера! — крикнул он из прихожей.

Она обернулась. У калитки стоял Владимир Дьяков. В чёрном пальто, несмотря на жару. За ним — двое в чёрном.

Отец оглядел дочь с головы до ног. Его взгляд задержался на ребёнке в её руках.

— Так ради этого ты предала свою кровь?

Алиса инстинктивно прикрыла ребёнка рукой.

— Я стала Россо. И скоро у нас будет второй ребёнок.

Лицо отца дрогнуло. Он сел на каменную скамью, будто внезапно стал старше.

— Ты... снова беременна?

— Да.

Марко вышел из дома, остановился рядом. Его взгляд был спокойным, но в каждом мускуле читалась готовность.

— Вы пришли забрать её? — спросил он.

Дьяков посмотрел на него.
 — Я пришёл понять, почему моя дочь стала чужой.

Цикады в винограднике стрекотали, как счётчики времени. Алиса села напротив.

— Я не стала чужой. Я стала собой. Впервые.

Дьяков смотрел на неё — не как на дочь, а как на человека. Сильного. Независимого.
 Потом — на ребёнка, который тянул к нему ручки.

— Ты назвала его Дёма... Совпадение или намёк?

— Просто красивое имя. Как и всё в этой семье.

Дьяков встал. Повернулся к машине. Уже у двери задержался:

— Твоя мать... она будет рада внукам.

Машина унеслась в пыль. Алиса опустилась на ступени, прижав Дёму к животу.
 Марко сел рядом, обнял.

— Ты справилась.

— Мы справились.

И под жарким сицилийским солнцем прошлое отступило.

Прошло несколько недель.

Солнце жарило сильнее, виноград наливался, но в воздухе повисло напряжение. Будто что-то ещё не завершилось.

Алиса часто вспоминала: как стоял отец, как старался быть жёстким, но в его глазах... было слишком много боли.

Это был не финал. Только пауза.

Письмо пришло без предупреждения.

Плотный лист, выцветшие чернила. Почерк — резкий, знакомый до боли.

*“Если ты читаешь это — значит, я смог.
 Я не прощаю, но учусь понимать.
 Ты стала чужой мне, но, возможно, я был чужим тебе раньше.
 Когда родится ребёнок — пришли фото.
 Без сюсюканья. Просто... докажи, что ты счастлива.*

Отец.”

Алиса сидела у камина. Пальцы дрожали. Марко молча достал фотоаппарат.

Он снял:
 • Алису, спящую с Дёмой на груди;
 • Её — в саду, с рукой на животе;
 • Себя — с улыбающимся малышом.

Фотографии отправили с доверенным человеком. Ответа не последовало.

Поздний вечер. Ветер с моря.

Алиса лепила вареники. Семейная традиция.
 Марко рассказывал Дёме сказку, укачивая его на коленях.

Глухой стук в ворота.

Марко открыл — и замер.

Владимир Дьяков. Один.

Без охраны. В руке — маленькая коробочка.

— Крестильный набор? — усмехнулся Марко.

— Первый зуб. Мама хранила мои. Теперь... я принёс её.

Он вошёл. Сел. Молчал. Наблюдал.

Алиса не выдержала:

— Тебе не обязательно принимать нас.
 Но не приходи с войной.

Он поднял глаза.

— Я пришёл... попробовать быть дедом.

Позже, вечером.

— Здесь удивительно тихо, — заметил он. — Будто мафии не существует.

— Для меня её больше нет, — сказала Алиса. — Я выбираю семью, а не страх.

Ночью, на кухне, состоялся разговор без масок. Марко налил граппу.

— Если с ней что-то случится — похороню тебя в Этне, — сказал Дьяков.

— Вы не первый, кто это говорит. Но, возможно, первый, кому я доверю свою жизнь.

Дьяков кивнул. Без пафоса. Без позы.

Наутро он ушёл.

На подоконнике — записка:

*“Ты действительно счастлива.
 И только дурак станет мешать своей дочери быть человеком.*

Но если этот идиот тебя предаст — помни: я всё ещё волк.

*С любовью.
 Отец.”
*

Глава 17. Рождение и жажда

Пять месяцев пролетели, как один мягкий выдох.

Дом на склоне холма стал настоящим убежищем. Утренние завтраки на террасе, смех Дёмы, плеск воды в старом каменном тазу, где он учился умываться «по-взрослому». Алиса ходила босиком, подол платья ловил ветер, а волосы пахли солнцем и молоком.

Сначала они боялись. Каждого шороха, каждой машины у поворота. Но с каждым днём страх отступал. Не исчез — просто прятался в тених, пока на передний план вышли повседневные радости.

Марко возился с новой теплицей, матерился на кирпичи, потому что те «не ложились по уровню», а потом тайком подкармливал Дёму клубникой прямо из земли. Вечерами они лежали на пледе в саду и считали звёзды. Тишина между ними больше не казалась опасной — она стала домом.

Были и тревожные моменты. Один незнакомый звонок, след от шин у калитки, незнакомка на рынке с цепким взглядом. Но ничего не происходило. Только слова:

— Это не было «оно», — шептал Марко, сжимая Алисе руку. — Просто ветер с севера. Алиса кивала. И верила. Или притворялась, что верит.

С Дёмой стало легче. Он начал ходить, уверенно хватался за ногу Марко, пытался говорить. Его первым настоящим словом стало:

— Дина.

Имя ещё нерождённой сестры. Он слышал, как Марко шептал его по ночам, положив ухо к животу Алисы. И запомнил.

Алиса не удивилась. Просто улыбнулась и поняла: это имя уже живёт внутри них.

Срок подходил к концу. Марко стал суетиться: проверял аптечку каждые два дня, учил дыхательные практики по видео, перекладывал пакеты в роддом по десять раз.

— Это моя миссия — паниковать, — признавался он.

— Тогда не мешай мне рожать, командир, — улыбалась Алиса.

Они не успели подготовиться.

Родильная палата была тёплой, залитой мягким светом, но Алисе казалось, что стены сдвигаются, сжимая её грудную клетку. Пот, боль, крики — всё слилось в какофонию, из которой выделялось только одно: жар внутри.

— Последний толчок, Алиса. Ты справишься, — голос акушерки звучал, как издалека.

И она закричала.

Крик стал прорывом.

Хриплый младенческий плач прорезал пространство.

— Девочка! — выдохнула врач. — Здоровая, хорошая!

Алиса улыбнулась сквозь слёзы. Она не чувствовала тела. Только жар. Только странное пульсирующее гудение в груди. Перед глазами — образ Дёмы. Теперь он — старший брат.

Алиса — мать. Защитница.

И тут...
 запах.

Металл. Сладость. Жар.

Кровь.

Взгляд метнулся к медсестре — тонкая полоса алого на перчатке. Мир поплыл. Сердцебиение вокруг стало барабаном, ударяющим в уши.

— Алиса? — Марко держал её за руку. — Алиса, ты слышишь меня?

Она слышала... только его пульс. Только вену на его шее.

— Вынесите ребёнка, — прохрипела.

Марко не задал ни одного вопроса. Просто взял девочку и вышел.

Когда за дверью стих её плач, Алиса выдохнула и рухнула на подушку. Жар не утихал. Руки дрожали. Вены пульсировали. Что-то внутри проснулось. И это не было человеческим.

Тело будто вышло из-под контроля. В ушах — гул, будто перед обмороком. Время распалось. Где-то вдалеке голоса врачей, команда «ввести...», «мониторинг...», но всё — как сквозь воду.

А потом — тишина. Звонящая. Противоестественная.

И вдруг... щёлк. Как будто в позвоночнике включили рубильник.

Голод.

Не физический. Не про еду.
Иной. Древний. Дикий.

“Я должна её защитить...”

Она не осознавала, что бормочет это вслух, сжимая пальцами простыню.

Где-то в памяти — деревенская кухня. Старухи шепчутся:

— Бабка-то у неё не простая... Глаза — как иглы. Люди к ней шли — и не все возвращались...

Отец, резким голосом:

— Молчать. Это чужь.

После этого — каждый месяц Алиса пила горькие капли. «Для нервов», говорила мать. А потом перестала. А потом была Сицилия. И всё забылось.

До этого момента.

Очнулась от запаха.

Резкий. Пульсирующий. Тёплый.

Кровь.

Кровь Дины.

Нет. Она не хотела этого. Это не она. Но тело... реагировало. Как хищник.

Рычание сорвалось с её горла — низкое, звериное.

Марко подскочил.

Стал между ней и дверью. За ней — их дочь.

— Алиса?! — голос сорвался. — Скажи, что с тобой?!

Она не могла. Только отвернулась. Закричала в подушку. Сцепила зубы. Заставила тело подчиниться.

Проснулась поздно. Палата пустая, но воздух — звенит.

Марко сидел в кресле у окна. Бледный. С запавшими глазами. Дина — у него на руках.

Он не выпускал её ни на минуту.

— Я... не помню, — прошептала Алиса.

Он поднял на неё глаза.

— А я помню.

Пауза. Долгая.

— Ты... почти набросилась на неё.

— Нет... Я не... — голос дрогнул. — Я не могла...

— Я не знаю, что с тобой происходит, Алиса.
Но я узнаю.

Он поднялся. Плотнее прижал к себе Дину.

И вышел.

Алиса осталась одна.

С кровати, пропитанной потом, страхом и болью.

И с ощущением, что в ней что-то пробудилось. Ненужное. Опасное.

Глава 18. Волки в снегу

Владимир Сергеевич сидел за дубовым столом в своём кабинете. Зимой его особняк под Москвой был особенно молчалив: только треск камина да отдалённое шуршание бумаги, когда он перелистывал свежие отчёты.

Всё шло по плану: поставки — под контролем, силовики на поводке, оппоненты или куплены, или закопаны. Но за каждым пунктом в голове мелькала одна мысль. Один образ.

Алиса.

Он сжал в руке тонкую папку — последнюю сводку от людей в Сицилии. Фото, перечень контактов, движения. Всё вроде бы ровно. Но между строк... тревога.

— Что с ней делает этот сицилийский мальчишка... — пробормотал он сквозь зубы.

Он не проиграл дочь. Он пожертвовал. Он дал ей шанс на исправление, на переосмысление. Её тогдашняя жизнь была набором ошибок: вечеринки, наркотики, сомнительные связи, агрессия, презрение к фамилии.

Его фамилии. Его крови.

Когда он отправлял Алису к Марко Россо, он верил: строгий парень из уважаемой семьи справится. Под присмотром старших, в рамках традиций. Приведёт её в чувство.

Он рассчитывал, что она вернётся. Другой.

Но всё вышло иначе.

Сначала — тишина. Потом — слухи.
 А теперь — второй ребёнок.
 И фамилия Россо, шипящая в каждом докладе, как змея.

Он подошёл к окну. За стеклом падал плотный снег. Он ложился на мраморную лестницу, на бронзовых львов у входа, на вековые сосны. Превращал всё в белое полотно. Красиво.
 Обманчиво.

Под снегом, как и всегда в России, скрывалась грязь.

Владимир провёл пальцами по стеклу.
 — Она моя дочь. И я сам её верну, — сказал он вслух.

Позади, в тени книжного шкафа, оторвался от стены человек. В пальто, в тени, с лицом, которое вряд ли запомнишь с первого раза.
 Но именно он был в курсе всего.
 В Сицилии, в Цюрихе, в каждом переходе между мирами.

— Конечно, Вова, — хрипло ответил он. — Я за Алиску кому угодно... хоть в ад.

Владимир не обернулся. Только чуть склонил голову.
 — Тогда смотри. И не моргай. Она изменилась. Что-то внутри... проснулось.
 — Заметно, — кивнул человек. — Они не прячутся.

Молчание повисло в комнате. Где-то в углу щёлкнуло полено.
 Владимир подлил себе виски. Лёд треснул в бокале.

— Никто не выходит из семьи, — сказал он тихо. — Даже если забыл, кто он.
 — Или стал кем-то другим, — добавил тень.
 — Тем более. Волк может сбиться с пути, но он всё равно волк.

Он развернулся.
 — Следи. Не вмешивайся. Пока.
 — А если её сила — не от нас?
 — Тогда мы все в большом дерьме, — ответил Владимир с мрачной усмешкой. — И придётся начать войну с тем, чего не понимаем.

Глава 19. Старый друг

Поздний вечер. Вилла Россо.
Сицилийский ветер шевелил белые занавеси на балконе, впуская в комнату запах моря и грядущей грозы. Дом спал в полумраке, будто затаился, прислушиваясь.

Алиса лежала на диване в гостиной, укутавшись в мягкий плед, но ощущала каждую нить ткани, как наждачную бумагу. Её кожа стала чувствительной, как у змеи в новой шкуре. Всё раздражало: свет, тиканье часов, дыхание Марко за стенкой. Даже собственное сердце.

На втором этаже спали дети. Дёма — тихо, с привычным посапыванием. Дина — еле слышно, но её присутствие было отчётливым, как жар в груди.

Пять суток после родов — и всё вокруг Алисы будто стало слишком живым. Люди звучали. Деревья дышали. А она слушала.

Марко не спал. Он сидел на краю кровати в их спальне, просматривая уже третий подряд отчёт врача из Рима. Внутри у него всё скреблось. Что-то с Алисой было не так. Не просто послеродовая слабость. Не усталость. Не депрессия.
Голод. Животный. Иной. Не её.

Он отложил бумаги, потянулся за пистолетом. Вдруг — скрип. Равномерный. Машина на гравии.
Он резко встал, сжав оружие.

И тут — голос из-за двери:
— Тихо-тихо, стрелок. Опусть железо, не позорь семью. Это я. Свой.

Марко открыл. На пороге стоял мужчина — слегка сутулый, в потрёпанном кожаном плаще, с сигаретой на полусогнутом пальце и прищуром человека, пережившего слишком многое. В руках — старый армейский рюкзак и выдававший виды чемодан.

— Так ты и есть Марко Россо. А я — Лёня. Тот самый, которого даже сицилийцы боятся. Не потому что страшный, а потому что предсказуемый только на кладбище. Хотя, если честно, я по натуре человек мирный. Ну... почти.

Он прошёл внутрь, не спрашивая разрешения. Оставил после себя запах табака, дикой мяты и московского снега.
Минутой позже — уже сидел у ног Алисы, сложив ладони на коленях.

— Белая ты, как стена в морге, — произнёс он без насмешки. — А глаза... будто не здесь. Где ты, Алиска?

— Живу, — выдавила она хрипло.

Он кивнул, затянулся:
— А я вот, как видишь, всё ещё ползаю. Твой батя прислал. Сказал: “Проверь, как она. Если этот итальянец заигрался — обломай. Аккуратно.” Ну, а я же добрый. Пока.

Марко стоял рядом, напряжённый как тетива. Лёня бросил на него косой взгляд, усмехнулся:
— Расслабься, кукольник. У тебя на лице всё написано: «один шаг — и стреляю». А если бы я хотел вам зла — ты бы меня уже не видел.

Он сделал глоток из фляги, лицо его чуть расслабилось.
— Ты её любишь, — кивнул Лёня. — Видно. Уважаю. Но запомни: в ней теперь есть кое-что, чего ты, Россо, не поймёшь до конца никогда. И если начнёшь копать глубже, чем надо — закопаешь сам себя.

Марко стиснул зубы.
— Что ты хочешь?
— Миру. На пару дней. Дай девчонке очухаться. А себе — научиться дышать без паранойи. И да, — он кивнул на окна, — ваши охранники хреновые. Я прошёл через всю территорию, как сквозь суп.

Алиса вдруг улыбнулась. Слабо, но по-настоящему.
Лёня заметил это и вдруг стал другим. Тише. Мягче. Почти родным.

— А ты... не бойся себя, Алиса. Что бы это в тебе ни было — это теперь часть тебя. Не ты выбрала путь. Но ты можешь выбрать, кем станешь. Проклятием или силой.

Он поднялся. Подошёл к Марко. Наклонился. Его голос стал почти шёпотом:
 — Не ломай её. Она уже однажды почти развалилась. Ещё раз — и никто не соберёт. Даже ты. Даже она сама.

Марко кивнул. Медленно. Как человек, принявший предупреждение.
 Лёня похлопал его по плечу, как старый товарищ:
 — Через два дня — улечу. Но ты понял: я всегда рядом. Даже когда меня нет.

Он вышел. Дверь не скрипнула — будто знал, где смазать.
 А в воздухе осталась тяжесть. И правда.

Марко подошёл к Алисе. Она уже спала. Глубоко. Тихо.
 Он склонился, поцеловал её в лоб и прошептал:
 — Я тебя не потеряю. Даже если придётся стать тем, кем не хочу быть. Ради тебя. Ради нас.

А за окном ветер подхватил первые капли дождя.

И ночь, как всегда, начала играть в молчанку.

Глава 20. Лёня

Москва. Январь. 1996.

Пахло мокрым асфальтом, бензином и чужой кровью. Снег шёл мелкий, липкий — налипал на ресницы, на воротник дешёвой куртки, на рану у виска.

В подворотне у клуба «Зарево» лежал парень. Костлявый, с расквашенной губой и яростью в глазах. Рядом — следы борьбы: слякоть, распластанный кастет, валенок без пары. Он только что отбил от троих. За что?

За территорию. За имя. За то, чтобы не называли “псиной” при всех.

Его звали Владимир. Тогда — просто Вова. Ему не было и двадцати двух. Но в глазах уже жили пепел и гнев.

Из темноты шагнул парень с прищуром и характерной смешливой складкой у губ. Очков не было — недавно отказался: били в лицо слишком часто.

— Живой? — лениво поинтересовался он, пнув ногой грязный кастет. — А ты кто? — прохрипел Владимир. — Лёня. Студент с физфака. Смотрел, как ты лупил их всех. Неуклюже, но с душой. Думал, что ты сдохнешь. А ты — гляди. Настырный. Не люблю таких... но ты вроде — с потенциалом.

Он подал руку. Без пафоса. И Владимир, стиснув зубы, принял её. С того дня — не отпустил.

Позже, через годы.

Один стал кулаком, другой — мозгом. Владимир вспыхивал, ломал, не терпел. Лёня — сдерживал, просчитывал, возвращал его обратно на землю. Они строили империю: без наркотиков, но с оружием, связями, «крышами» и контрабандой.

“Дьяков — страшен, когда молчит. А если рядом стоит его друг и правая рука — Лёня — будет или без крови, или очень быстро,” — шептали на улицах.

Они вместе прошли всё. И выжили. Пока однажды не случилось то, что не укладывалось в уличные понятия.

Марина. Жена Дьякова. Мать Алисы. Она просто ушла. Без скандала. Без предисловий. Сложила вещи и исчезла.

Алисе тогда было шесть. Владимир был в ярости — не на неё. На себя. На то, что не смог сделать главное: сохранить дом.

Он стоял тогда в своём кабинете, сжимал стакан с водкой, дрожал от ярости. — Если с девчонкой хоть что, — сказал он Лёне, глядя в стену, — ты рядом будешь. Понял?

— Понял, — ответил Лёня. Просто. Без лишних слов.

И он был.

Видел Алису на школьных спектаклях. Под видом случайного охранника на выпускном. Разговаривал с ней в парке, когда она гоняла на роликах, не подозревая, кто он. Сидел в соседней машине, когда её отправляли на Сицилию. Курил и говорил себе: “Это просто временно. Она вернётся.”

Но она не вернулась. Потому что в ней пробудилось нечто другое.

Теперь. Вилла Россо. Ночь.

На втором этаже спали двое детей. Под их веками мерцали сны. А внизу — женщина, в которой всё менялось. Уже не девочка с русской фамилией. Уже не дочь мафиози, а жена и мать.

Алиса.

Лёня наблюдал. Молча. Через прищур. Сигарета догорала в пальцах. Он чувствовал: в этой крови проснулось нечто древнее. И её придётся защищать. Даже от неё самой.

Глава 21. Воспоминания

Сицилия. Настоящее.

Ночь. Комната погружена в полумрак. Где-то за стеной шелестит ветер, носится по склонам, рвёт тишину, словно ищет выход.

Алиса сидит в кресле-качалке, прижимая к себе спящую Дину. Гладит её по голове, смотрит в одну точку — в темноту перед собой, будто там что-то затаилось. Лёня уехал. А вместе с ним — и воспоминания, нахлынувшие волной, обжигающей сильнее, чем любое настоящее.

Воспоминания

Сначала — мама. Тихая, тонкая, как фарфоровая статуэтка. С усталыми глазами и вечно сдержанной улыбкой. Она пахла жасмином и... грустью.

Алисе тогда было шесть.

— Мы не подходим друг другу, Володя. Я не могу жить среди оружия и страха, — сказала она отцу.

Он стоял, уставившись в пол, с каменным лицом, сжимая бокал коньяка.

— Ты не уйдёшь с ней.

— Я и не собираюсь. Она — твоя. Всегда была. Мне жаль её... Но я не смогу.

И она ушла. Без истерик, без хлопанья дверями и криков на лестнице. Просто однажды не стало её голоса по утрам. Ни запаха жасмина, ни прохладных пальцев на лбу. Осталась только пустота в коридоре и шелест записки, случайно упавшей с полки много лет спустя.

Потом — детские шаги по холодному мрамору. Слишком большая отцовская рубашка вместо пижамы.

Папа держал её за руку на переговорах, усаживал рядом, будто знал: его дочь должна видеть всё с самого детства. Чтобы не дрожать, когда начнётся бойня. А она начнётся — это было вопросом «когда», а не «если».

И был Лёня. Вечно пахнувший табаком и моторным маслом. Не няня, не телохранитель. Он — как лишняя кость в позвоночнике, на которой держалась она.

— Лёнь, ты точно меня не сдашь в детдом? — спросила она однажды, когда мама в очередной раз не позвонила.

— Алиса, ты тут у нас принцесса. Только скажи — и тебе выстроят дворец в Кремле, с золотыми унитазами и личным тигром.

— А мама?

Он на секунду замолчал.

— Мамы разные бывают. Ты держись за то, что есть. Я — тут.

И он действительно был. Вozил на стрельбище, учил читать по губам, слушать за стеной и не моргать, даже если тебе в лицо тычут стволом.

Иногда она мечтала, что он — и есть её отец. Потом смотрела на Дьякова — и понимала: нет, родной всё-таки круче. Просто из другой стали.

Помнится, как однажды она подбежала к нему — он вернулся глубокой ночью, с окровавленными пальцами и запахом металла.

— Ты ранен, Чижик?

— Это не моя кровь, Лиса.

— А почему ты никогда не плачешь?

— Потому что у меня есть ты. Я не имею права.

Она запомнила. И с тех пор тоже почти не плакала. Потому что знала: у неё уже есть, за кого держаться. И кого держать.

Настоящее

Алиса моргнула.

Дина посапывала у груди, теплая и безмятежная, как будто этот мир — всё ещё безопасен.

В груди у Алисы — нечто похожее на комок, слишком острый для слёз, слишком тяжёлый для слов.

Она не знала, кем становится.

Но она точно знала, откуда вышла. Из семьи, где молчание — броня, а привязанность — роскошь. Где любовь не давали — её приходилось заслуживать. Больно, долго, с боем.

Она — дочь Владимира Дьякова.

И плевать, сколько крови в ней осталось человеческой.

Дина — её.

И если кто-то посмеет протянуть к ней руку — эта рука останется в прошлом. В коробке. На дне моря. С грузом.

Глава 22. Нечеловеческий страх

Сицилия. Ночь.

Пальцы медленно скользят по мягкому пледу. Алиса укачивает Дину в тишине, вслушиваясь в ночь. Луна, будто замерев в небесах, прячет свет за тонкими облаками, и только редкие лучи ложатся на пол. В комнате полумрак, воздух густой, как перед бурей. Она не слышит шагов Марко. Ни звуков из других комнат. Только тишина — и собственная, давящая изнутри тяжесть.

Воспоминания

Снова — он. Владимир Сергеевич. Её отец.
 Камень в человеке. Вечный. Неизменный. Он всегда решал за неё, словно её желания — это всего лишь побочные эффекты его власти.

*Москва. Старая квартира.
* Детство. Она толкала дверь его кабинета, осторожно, почти виновато. Внутри пахло бумагой, коньяком и оружейным маслом. Он сидел за массивным столом, сутулый, с лицом, в котором не осталось ничего, кроме усталости. Даже боль спрятана — глубоко, за ледяным взглядом.

— Папа, я...
 — Ты опять собралась сбежать? — не отрываясь от бумаг, он даже не поднял голос.
 — Я не хочу быть как ты, — твёрдо сказала Алиса. — Мне не нужно твоё наследие. Я не хочу жить среди страха. Думаешь, я не слышу, что говорят про тебя? Про нас?

Он наконец поднял взгляд. Стальной, равнодушный.
 — Тебе нужно одно — выжить, — сказал он. — А чтобы выжить — нужно быть сильной. Я даю тебе шанс, Алиса. Но цена — ты не станешь обычной.
 — Я не хочу быть как ты.
 — А у тебя нет выбора. Такова цена жизни.

Настоящее

Алиса смотрит на Дину.
 Маленькая ладошка крепко сжала её палец. Такой инстинкт — держать, даже во сне.
 А у неё внутри — шепчущий голос: А если они правы?
 Если отец был прав... если Марко прав... Если в ней — опасность?

Марко. Он был рядом с тех пор, как отец отправил её на «перевоспитание». Он стал опорой. Но вместе с тем — страхом. Не за себя. За неё. Он не боялся монстров. Он боялся, что она — станет им.

Он не боится за Дину. Он боится тебя.

Желание родилось внезапно. Острым импульсом. Быть не только женой. Не только матерью. Быть собой. Всем, чем она может быть.

Но прошлое не даёт забыть. Оно, как призрак отца, всё ещё смотрит на неё сквозь закрытые двери памяти.

В ту ночь, когда Дина уснула у неё на руках, Марко подошёл.
 Тихо, будто опасаясь, что сама тень его голоса может разбудить бурю. Он сел рядом. Его лицо — напряжённое. Его глаза — те самые, в которых теперь отражалась не любовь, а страх.

— Ты не можешь быть такой, Алиса, — сказал он глухо. — Ты думаешь, я не вижу? Ты слишком... сильная.
 Она молчала.
 — Я боюсь, — продолжил он. — Боюсь, что ты сделаешь что-то с детьми. Что однажды ты потеряешь контроль. Я не могу тебе доверять так, как раньше.
 — Почему? Потому что я не плачу по расписанию? Не шепчу тебе «да, дорогой»?

Его взгляд стал тяжёлым.
 — Ты не можешь их любить, будучи такой. Ты не понимаешь, что ты в них находишь? Ты опасна. Для всех нас. Для меня. Для Дёмы. Для неё.

Внутри у неё — холод. Знакомый. Как тогда, с отцом.
 Он тоже не верил. Не слышал. Только диктовал.

— Марко... — Она повернулась к нему. — Я не могу быть просто женой. И не хочу. Я не хочу раствориться в чьей-то жизни, как сахар в чае. Я хочу быть собой. Понимаешь? Собой.

Он опустил глаза. Словно надеялся найти на полу ответы, которых не было.
 Он любил её. Но он боялся её. Боялся того, кем она становилась. Не подвластной. Не контролируемой.

— Ты не понимаешь, — прошептал он. — Я не знаю, как с этим жить. Я тебя боюсь, Алиса. Потому что ты — не просто человек. Потому что я не могу тебя... удержать.

Снова эти слова. Снова попытка заковать её в страх. Прямо как отец
Но теперь всё иначе.

Она сделала шаг назад. Дина спала, уткнувшись носом ей в грудь. И этот вес — не бремя, а сила. Её жизнь. Её выбор. Её правда.

— Я не буду бояться, Марко. И не позволю тебе бояться меня, как врага.
 Она говорила спокойно, но голос внутри был сталью.

— Я не твоя собственность. И, возможно, никогда ей не была.

Он молчал. Просто сидел.
 Всё вокруг застыло — ночь, комната, даже пульс воздуха.
 Он не знал, что будет дальше.

Но Алиса уже знала. Впервые — не роль, не долг, не родство.
 А свобода.

Глава 23. Граница крови

— Что? — Марко не сразу осознал, что услышал. Пальцы сжались в кулаки, но внутри — только лед. Он не чувствовал ни рук, ни пола под ногами. Один взгляд на Алису — бледную, дрожащую, с каплей крови на губах — выбивал из сознания остатки логики.

Алиса села на край дивана, прижимая к себе спящую Дину. Грудное вскармливание прервалось внезапно — когда тело сжалось в резком спазме, потом — гул в ушах, и вдруг... запах крови. Тёплой, живой. Зовущей.

— Я не знаю, как это объяснить, — прошептала она. — Но будто моё тело... проснулось. Не я зову кровь — она зовёт меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.